

Козельчук Татьяна Валентиновна

**ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КУРГАНСКОГО ОКРИСПОЛКОМА 1920-Х ГГ.:
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕКОНСТРУКЦИИ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Настоящая статья представляет попытку воссоздания повседневной жизни горожан, опираясь на такой нормативно-правовой акт как обязательные постановления Курганского окружного исполкома 1920-х гг. Автор акцентирует внимание на особенностях использования указанных документов как источников повседневности, обусловленных спецификой их происхождения. На конкретных документах демонстрируются широкие возможности постановлений в изучении таких аспектов повседневности как условия жизни, гигиена, питание, досуг, поведение горожан.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 98-101. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Герман М. Ю. Модернизм. Искусство первой половины XX века. СПб.: Азбука-классика, 2008. 477 с.
2. Голицын И. В. Илларион Голицын: живопись, графика, скульптура. Каталог выставки. М.: Советский художник, 1988. 53 с.
3. Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. 296 с.
4. Деготь Е. Ю. Русское искусство XX века. М.: Трилистник, 2002. 223 с.
5. Ефимов А. И. Клан художников // В. А. Фаворский. Воспоминания о художнике. М.: Книга, 1990. С. 17-39.
6. Моргунов А. П. Ценностные ориентиры искусства авангарда XX века // История, философия, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4. Ч. 2. С. 141-146.
7. Морозов А. И. Конец утопии. Из истории искусства в СССР 1930-х годов. М.: Галарт, 1995. 224 с.
8. Степанян Н. С. Искусство России XX века. Взгляд из 90-х. М.: Эксмо-Пресс, 1990. 414 с.
9. Фаворский В. А. Литературно-теоретическое наследие. М.: Советский художник, 1988. 588 с.
10. Фаворский В. А. Творчески богатая личность // Симонович-Ефимова Н. Я. Записки художника. М.: Советский художник, 1982.
11. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 324 с.
12. Шуккина Т. С. Самооценка и оценка в современной художественной критике // Советское искусствознание. М.: Советский художник, 1981. № 1. С. 10-31.

COMMON VALUES OF “SEROV” “SLINE” ARTISTS

Kovycheva Elena Ivanovna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Udmurt State University
el_kovich@mail.ru

The article analyzes the works of the Russian artists of the XX century, the representatives of the family clan, which ancestor was V. F. Serov. The research topicality is proved by “Serov’s line” masters belonging to the little-studied direction of realism that became an alternative to the “grand styles” of the soviet art: modernism and socialist realism. The common values of the clan members’ creativity are the proof of its cultural significance and world outlook continuity.

Key words and phrases: fine art; family clan of artists; —Serov’s line”; —synthetic realism”; values; creative method.

УДК 9; 930.2

Исторические науки и археология

Настоящая статья представляет попытку воссоздания повседневной жизни горожан, опираясь на такой нормативно-правовой акт как обязательные постановления Курганского окружного исполкома 1920-х гг. Автор акцентирует внимание на особенностях использования указанных документов как источников повседневности, обусловленных спецификой их происхождения. На конкретных документах демонстрируются широкие возможности постановлений в изучении таких аспектов повседневности как условия жизни, гигиена, питание, досуг, поведение горожан.

Ключевые слова и фразы: обязательные постановления; повседневность; город; источники повседневности; исторический источник; Курганский окрисполком; нормативно-правовой акт.

Козельчук Татьяна Валентиновна, к.и.н.
Курганский государственный университет
netanja-k@mail.ru

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КУРГАНСКОГО ОКРИСПОЛКОМА 1920-Х ГГ.: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕКОНСТРУКЦИИ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ[©]

Являясь сложным многокомпонентным исследовательским направлением, достаточно востребованным в современной исторической науке и одновременно дискуссионным, история повседневности особенно остро «требует» решения источниковедческого вопроса. Это значимо в рамках конкретных эмпирических построений и для осмысления повседневности как теоретического концепта. В связи с этим интерес представляет вовлечение в круг источников повседневности таких, которые напрямую, казалось бы, не касаются сферы обыденного существования человека, но, тем не менее, могут «участвовать» в реконструкции повседневности на правах полноценных исторических источников. В данном случае речь идёт о подзаконных нормативно-правовых актах, к которым, в частности, относятся обязательные постановления Курганского окружного исполнительного комитета.

Как разновидность нормативно-правовой документации обязательные постановления (далее ОП) были заимствованы практикой советских исполнительных органов власти из дореволюционного прошлого, не утратив при этом своего функционального назначения. В рассматриваемый период ОП исходили от областных, окружных и районных исполкомов, причём порядок их издания, включая тематическую направленность, чётко регламентировался законами и инструкциями. Декрет ВЦИК и СНК от 27 июля 1922 г. предписывал окрисполкомам и РИКа́м издавать ОП по вопросам «общественной безопасности и порядка, об исправном содержании печей и дымовых труб, ...о выполнении санитарных правил в помещениях и местах общего пользования, ...о порядке содержания в исправности улиц, площадей и тротуаров, о внутреннем распорядке на рынках, базарах, ...о мерах борьбы со стихийными бедствиями, эпидемиями» [2, д. 6, л. 229]. Этот список могут пополнить названия некоторых конкретных, сохранившихся в Госархиве Курганской области постановлений, изданных окрисполкомом в 1920-е гг.: «О мерах безопасности против бродячих собак», «О местных налогах и сборах», «О мерах борьбы с пьянством», «Об установлении ставок квартирной платы», «О воспрещении на территории Курганского округа азартных игр», «О борьбе со снежными заносами...» и др. [Там же, д. 12, 50, 50а].

Простое перечисление тематики ОП свидетельствует об их непосредственной связи с повседневной жизнью горожан. Поведение курганцев в общественных местах, виды городского досуга, время работы торговых точек, правила продажи спиртных напитков, плата за квартиры, варианты городского жилья, списки продуктов первой необходимости, санитарное состояние улиц и общественных помещений и многое другое. Всё это, собственно, и есть сфера человеческой обыденности, то, что каждый день окружает человека, организует и качественно наполняет его времяпрепровождение, заставляет эмоционально переживать, то, что в конечном итоге позволяет понять, каким был человек.

Следует подчеркнуть, что ОП рекомендовалось издавать только «в исключительных случаях, когда по данному вопросу не имеется определённых указаний в законе или не издано обязательных постановлений вышестоящего исполкома» [Там же, д. 6, л. 229]. Тем самым исключалось ненужное дублирование, пресекалась излишняя неоправданная законодательная деятельность местных властей. С источниковедческой точки зрения это важно, так как показывает, что ОП, скажем так, зря не издавались, напротив, касались наиболее актуальных насущных вопросов городской жизни, что положительно влияет на оценку достоверности их сведений.

В процессе утверждения проектов ОП правовая комиссия при Курганском окрисполкоме могла исключить некоторые пункты или формулировки как нецелесообразные, допускалась корректировка постановлений вышестоящих исполкомов с учётом местной специфики. Тем самым, изучая на курганских материалах повседневную жизнь горожан, можно выявить, с одной стороны, типичные черты повседневности провинциального сибирского города, с другой стороны, некоторые особенности Кургана и округа. К тому же сам процесс «рождения» ОП – причины отклонений некоторых проектов, корректировка формулировок, выбор санкции и пр. – на наш взгляд, определённо представляет интерес, иллюстрируя разные факторы правового нормирования жизни горожан, включая роль местной власти.

Одним из последствий гражданской войны стало кроме прочего обострение в городе жилищного и санитарно-гигиенического вопросов, что придавало задаче городского благоустройства первостепенную важность и вызвало к жизни целый ряд нормативно-правовых актов. Так, одно из постановлений Курганского окрисполкома от 1924 г. «Об установлении ставок квартирной платы», разделяя городские квартиры по степени благоустройства, даёт возможность представить, в каких условиях жили горожане, какое жильё считалось нормальным и т.п.: «С электрическим оборудованием и теплыми уборными; с электрическим оборудованием; без всяких удобств, подразделив их на три типа: первый – нормальный, второй – полуподвальные помещения, пол которых ниже уровня почвы на $\frac{3}{4}$ аршина, комнаты, лишённые наружного освещения (с окнами в коридор или на лестницу), а также чердачные помещения и третью – полуподвальные помещения, пол которых ниже уровня почвы не менее чем на $\frac{3}{4}$ аршина» [Там же, л. 330]. Многим горожанам дом заменил «проходные комнаты, служащие для посторонних друг другу лиц жильцов единственным способом сообщения с местами общего пользования или с выходом на улицу» [Там же, л. 330 об.]. Но стали ли они домом, то есть местом, «где духовная атмосфера наиболее комфортна для конкретной личности» [3, с. 178]? Вряд ли. Лишь единицы могли похвастаться минимальными благами – возможностью уединиться в отдельном, тихом и тёплом помещении.

Анализ постановлений, регулирующих санитарное состояние города, создаёт впечатление, что местной власти приходилось учить горожан, выражаясь буквально, не мусорить, содержать помещения «в полной чистоте и опрятности» [2, д. 6, л. 17]. Поражает мелочная регламентация вплоть до указаний, что в парикмахерских «пуховки для пудры не допускаются, вместо них должны быть... для каждого посетителя кусочки ваты, уничтожаемые после каждого потребления» [Там же, д. 12а, л. 106 об.]. Однако важны не столько правила сами по себе, а как средство воспитания новых стандартов поведения горожанина в общественных местах, как императивные нормы типа «курить и плевать на пол в помещении воспрещается» [Там же, л. 130].

Проблемы нравственности и общественного порядка составляли особую заботу местных властей. ОП Курганского окрисполкома, посвященные этой стороне повседневной жизни, могут быть ценны для реконструкции девиантного поведения горожан, форм и видов проведения досуга, в конечном итоге, для изучения того, как формировалась новая система ценностей курганцев. Типичным в этом отношении будет текст ОП от 14 апреля 1925 г. «Об охране общественного порядка и безопасности», в котором запрещались «распространение порнографической литературы и изображений; ...занятие хиромантией, гаданием, магией, спиритизмом, гипнотизмом, знахарством и коновальством; азартные игры в карты, кости и пр.; ношение

холодного оружия, а равно кастетов, резиновых плетей, тростей с вделанными в них кинжалами, клинками и др. орудиями...; стрельба в домах, дворах, на улицах, площадях...; появление на улице и в других местах общественного пользования в пьяном виде, а также крики, брань, ссоры, пение, драки и другие виды нарушения тишины и порядка; профессиональное нищенство; порча деревьев, скамеек, срывание цветов, афиш, объявлений» и многое другое [Там же, д. 6, л. 27].

Всё это имело место быть, иначе не стало бы предметом пристального внимания властей. Более того, законодатель едва успевал за «фантазией» правонарушителей, изобретавших новые варианты хулиганских действий: «бросание в проходящих или проезжих палками, камнями,... протягивание верёвок или проволоки через дорогу и тротуары, пение песен циничного содержания в местах общественного пользования, пение песен, направленных к нарушению общественного спокойствия или нормального ночного отдыха трудящихся, исключительно в целях озорства» [Там же, д. 127, л. 18]; «приставание на улице и общественных местах, толкание, озорные пугающие крики, битьё стёкол; ...произнесение бранных слов, всякого рода надписи на стенах, заборах, отправление естественных надобностей в неустановленных местах» [Там же, л. 54]. Таким образом, ОП приходилось регулярно переиздавать, детально прописывая и добавляя запреты. Такое внимание к деталям «играет на руку» историку, позволяя узнать больше о девиантном поведении горожан.

С другой девиацией – проблемой пьянства среди горожан, которое власти рассматривали как буржуазный пережиток, была связана попытка ужесточить контроль над продажей спиртных напитков в городе. В середине 1920-х гг. продажа пива «с потреблением на месте» допускалась только «лицам, находящимся в трезвом виде», при этом в ресторанах, буфетах посетитель мог получить только 1/20 ведра или бутылку, вынос спиртного не разрешался [Там же, д. 12а, л. 191]. К концу десятилетия регулярно стали появляться ОП с говорящими названиями «О мерах борьбы с пьянством». Одно из таких категорически запрещало «продажу хлебного вина (водки), ликёров, настоек, коньяка» в культурно-просветительных учреждениях, горожанам приходилось довольствоваться неспиртованными натуральными винами, пивом и мёдом не свыше 14 градусов [Там же, д. 127, л. 2]. Постепенно запретили продавать спиртные напитки в день зарплаты рабочих, во время призывов в РККА, наконец, исчезла любая реклама спиртных напитков [Там же, л. 22]. Все эти запретительные меры были продиктованы необходимостью (известно, что потребление водки в стране возросло в разы [3]), однако сами по себе они не могут сказать, исчезло или нет спиртное из повседневности горожан. Данный пример наглядно демонстрирует информационные пределы всех нормативно-правовых документов, которые только задают образцы поведения.

Ещё одна категория анализируемых документов – это постановления, регулирующие правила торговли, которые кроме прочего дают информацию о структуре питания горожан, называя среди предметов первой необходимости муку, печёный хлеб, крендели, молочные продукты, зелень, овощи, фрукты, растительное масло и др. [2, д. 12а, л. 134]. Этого, конечно, недостаточно, чтобы узнать, например, в каком количестве потреблялись те или иные продукты представителями разных социальных слоёв. Зато ценную информацию историк может почерпнуть из этих постановлений о такой структуре повседневности, как время, которое тоже нормировалось сверху. Так, «нормальным временем для всякого рода торговли» в городе считалось: с 8.00 до 16.00 в период с августа по октябрь, с 9.00 до 17.00 с октября по 1 апреля; в дни революционных праздников всякая торговля запрещалась [Там же]. Это не могло не повлиять на поведение горожан, приучая их по-новому планировать время, в данном случае время покупок.

Итак, минимум того, что могут дать как исторические источники рассматриваемые нами документы – это, говоря словами Ф. Броделя, «изучить вещи – пищу, жилища, одежду, предметы роскоши, орудия, денежные средства... – словом все, что служит человеку» [1, с. 41]. Добавим – и не только это. Выступая средством упорядочивания и структурирования повседневного пространства, наделяя его нормативным содержанием, задавая ценностные ориентиры горожанам, ОП по своему происхождению являются ценными источниками изучения повседневности. Они, безусловно, не передают взглядов и переживаний обывателей, отражают лишь желаемые стандарты поведения, но благодаря широте тематики, богатой, в том числе косвенной информацией, нередко выходят далеко за рамки истории повседневности.

Видовая специфика рассматриваемых документов, то есть принадлежность их к законодательным актам неизбежно сказывается на источниковедческой оценке и особенностях работы с ними, так как без анализа того, как применялись и как воздействовали эти нормы на жизненный мир горожан, использование ОП в качестве источников повседневности не будет полноценным. При этом переоценивать возможности ОП тоже не стоит; впечатление от образа городской повседневности при буквальном восприятии данных (так сказать их «переворачивании») может сложиться отнюдь не благоприятное: Курган представляется грязным, а население некультурным. Но это неполная, однобокая картина. Задача исследователя правильно использовать сведения ОП, дополнив и пояснив их материалами источников других типов и видов.

Список литературы

1. **Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв.: в 3-х т. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 623 с.
2. **Государственный архив Курганской области (ГАКО).** Ф. Р-315. Оп. 1.
3. **Лебина Н. Б.** Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб.: Журнал «Нева» – Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. 320 с.

**STRINGENT REGULATIONS OF KURGAN DISTRICT EXECUTIVE COMMITTEE
IN THE 1920S: OPPORTUNITIES TO USE IN RECONSTRUCTION OF TOWN DAILY LIFE**

Kozel'chuk Tat'yana Valentinovna, Ph. D. in History
Kurgan State University
netanja-k@mail.ru

This article presents the attempt to reconstruct the daily life of citizens relying on such normative-legal act as the stringent regulations of Kurgan district executive committee in the 1920s. The author draws attention to the peculiarities of the use of the mentioned documents as the sources of daily life determined by the specifics of their origin. The extensive potential of the regulations in the study of such aspects of daily life as living conditions, hygiene, feeding, leisure-time, the behavior of citizens are demonstrated by certain documents.

Key words and phrases: stringent regulations; daily life; town; sources of daily life; historical source; Kurgan district executive committee; normative-legal act.

УДК 316.323.72

Исторические науки и археология

Статья посвящена влиянию политики выпуска и распространения партийно-советских газет 1945 – начала 1960-х гг. на их доступность сельскому населению Центрального Нечерноземья. Основное внимание уделяется динамике тиражей и изменениям сети сбыта прессы. Государство обеспечивало газетами сельское население, наращивая тиражи центральных изданий и сдерживая рост местных, так как уровень местной прессы считался хронически отстающим от центральной. Даже к концу «оттепели» нельзя говорить о существенном росте обеспеченности читательской аудитории села газетами.

Ключевые слова и фразы: село Центрального Нечерноземья; тиражи газет; политика распространения печати; доступность прессы населению; повседневность.

Кометчиков Игорь Вячеславович, к.и.н.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
kometchikov.igor@mail.ru

**ВЫПУСК, РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ДОСТУПНОСТЬ ГАЗЕТ
НА СЕЛЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ 1945 – НАЧАЛА 1960-Х ГГ. ©**

Печатные периодические издания являлись в СССР важнейшим инструментом влияния на массовое сознание. Среди других СМИ в послевоенные годы пресса долгое время лидировала по степени доступности, оставляя позади лекционную пропаганду и технические средства информации (кино, радио и телевидение). В советской литературе рост тиражей газет и журналов, а также определявшаяся партийными директивами редакционная политика оценивались в русле общего прогресса «политпросвета» и укрепления взаимосвязи «редакция – читательская аудитория». «Правильное» реагирование населения на проводимый политический курс выступало важным критерием эффективности печати [13, с. 82-96]. Сегодня высказывается базирующееся на тоталитарной концепции мнение о советской прессе как о массовом и полностью подконтрольном государству орудии индоктринации [15, с. 168-169; 16; 25]. Реальная же степень доступности газет жителю провинции при этом часто остается за рамками исследования. Представляется актуальным проанализировать влияние политики государства по выпуску и распространению центральных и местных газет на их доступность сельскому населению Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг.

В сельской местности Центрального Нечерноземья РСФСР в послевоенные годы распространялись центральные (союзные и республиканские), областные и районные газеты. Доступность их читателям менялась в зависимости от возможностей государства по наращиванию тиражей, состояния сети сбыта печати, наличия на местах достаточного количества более или менее квалифицированных журналистов – интерпретаторов идеологического дискурса, колебаний политики в отношении содержания прессы, развития прочих СМИ и других факторов.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. власти сокращали тиражи областных и районных газет и увеличивали – общесоюзных и республиканских. Одной из основных причин этого было, как представляется, значительное отставание местной прессы, особенно районной, от уровня центральной. Только за 1946-1949 гг. разовый тираж областных и районных газет в Центральном Нечерноземье сократился на 10%, а тираж «Правды» вырос на 14%, «Комсомольской правды» – на 16%, «Пионерской правды» – на 31%, «Литературной газеты» – почти в 11 раз, «Социалистического земледелия» – на 48%, газеты «Культура и жизнь» – вдвое, газеты «Советский спорт» – на 56% (подсчитано по: [8, д. 220, л. 19, 20, д. 562, л. 27, 28, д. 655, л. 25, 26; 9, д. 221, л. 7, 12, 13, 19, 25, 28, 29, 38, 48, 54, 61, 67, 80]). ЦК ВКП(б) неоднократно принимал постановления, в которых отмечалось однообразие содержания местных газет, нежелание редакций публиковать критические